

*Н.Н. ПЛУЖНИКОВА, А.Ю. КЛЕЙТМАН*  
(Волгоград)

**ЧУЖОЙ И ЕГО ИНАКОВОСТЬ:  
ОТ КОНСТРУИРОВАНИЯ  
К РЕАЛЬНОМУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ**  
(рецензия книгу: **Чужой и  
культурная безопасность: кол.  
моногр. М. : Рос. полит. энцикл.  
(РОССПЭН), 2013. 215 с.)**

Проблема изучения образа Чужого становится одной из ключевых в современном социогуманитарном знании. Ее актуальность обусловлена не только необходимостью межкультурного диалога, но и различными культурными угрозами, культурными войнами, являющимися сегодня чуть ли не обязательным условием конструирования пространства межкультурного взаимодействия. Как справедливо отмечают авторы рецензируемой нами монографии, отношение к Чужому сегодня выступает своеобразной «лакмусовой бумагой общественного развития», кроме того, в формировании образа Чужого «скрыт ряд архаичных паттернов, которые могут актуализироваться в самых разных обществах: и развитых, и неразвитых. Выявление этих глубинных слоев может помочь познать не только скрытые угрозы, таящиеся в экстремистских проявлениях отношения к Чужому, но и глубинные процессы формирования общественного сознания» (с. 5).

В настоящий момент образ Чужого интенсивно исследуется в различных науках – философии, социологии, культурологии, лингвистике и психолингвистике, психологии и педагогике. В связи с этим особенно важной становится идея междисциплинарного синтеза научных знаний, которая позволит выявить интегративные характеристики восприятия и проявления образа Чужого в культуре, определить пути его идентификации в современном обществе.

Монография проф. А.П. Романовой, проф. Е.В. Хлыщевой, д-ра ист. наук С.Н. Якушенина, канд. полит. наук М.С. Топчиева отражает результаты исследования, выполненного

научным коллективом при финансовой поддержке фонда РГНФ. В книге представлены базовые теоретико-методологические подходы к изучению образа Чужого на эпистемологическом, онтологическом и аксиологическом уровнях; раскрыты сущностные характеристики феноменологического подхода, особенности формирования концепта Чужого в качестве определенной этнической и глобальной культурной модели. Авторы подробно описывают роль мифологизированных представлений о Чужом в традиции современной европейской критической теории. В своей книге авторы детально выстраивают и обосновывают цепочку «Другой – Иной – Чужой – Враг – Монстр». В первой главе «Чужой как объективная реальность, данная нам в ощущениях» авторы монографии показывают, что одним из ведущих признаков идентификации Чужого еще со времен древности являлась алиментарная культура. Авторы совершенно справедливо указывают на связь понятий «свой» и «чужой». В обществе традиционного типа круг «своих» был очерчен вполне определенно, к нему относились члены рода, а затем семьи. С течением времени в европейских культурах постепенно «размывается этническая и религиозная принадлежность, в результате горизонтальной мобильности может меняться государство проживания <...> продуцируя все более усложняющийся реальный мир и еще более разнообразный виртуальный, человек чувствует себя все более одиноким и незащищенным. Для него понятие “свой” становится все более расплывчатым» (с. 9).

В условиях массовой культуры (и особенно в современном кинематографе) образ чужого, как подчеркивают авторы книги, приобретает особое значение, становясь действительно культовым. Инопланетный монстр, зомби, вампир – «гипермаргинальное существо, находящееся за пределами человеческого бытия» (с. 103) – входит во взаимодействие с «нашим» миром, вынуждая человека проявлять свои подлинные качества и выходить за границы собственных физических и нравственных возможностей. Таким образом, «пограничность или маргинальность Другого» (с. 69) выявляет экзистенциально-этическую природу

ду самого человека, обретающего самость в ответ на вызов чужого бытия и угрозу поглощения иной реальностью. «Чужой необходим нам, мы постоянно вглядываемся в него. Сталкиваясь с ним лицом к лицу или выдумывая его, превращаем его в монстра или существо, стремящееся доминировать над нами, используя нас в своих корыстных интересах» (с. 200). Сложно не согласиться с тем, что образ чужака конституирует нашу идентичность, интегрируя ее и одновременно показывая ее ограниченность.

В условиях глобализованного мультикультурного общества свое и чужое сосуществуют в едином социальном пространстве многочисленных разнородных культурных общностей, а этнические и конфессиональные маркеры утрачивают однозначную статичность. Вторая глава монографии «Жизнь рядом с Чужим» как раз посвящена анализу этого явления. В конце XX в. первоначальная эйфория толерантного взаимообогащения сменилась целым спектром новых проблем: вместо гражданской консолидации и «единства в многообразии» происходит активная сегрегация общества по этнокультурному признаку. «Право быть “иным” уже само по себе рождает оправдание неравенства, что немедленно приводит к серьезным конфликтам по причине существования культурных границ. <...> Иммигранты всегда воспринимаются как иная (чужая) культурная группа, с иной (чужой) культурой, а объективные и субъективные факторы побуждают иммигрантов к формированию сообществ именно по этническому признаку, что придает каждой группе четкую этническую маркировку» (с. 141). В этой связи кажется несомненной тупиковость большинства мультикультуралистских проектов, нацеленных на нивелировку границы между своим и чужим, в реальности лишь усиливающих разобщенность и дезинтеграцию.

В третьей главе «Культурная безопасность как механизм защиты от чужого или?..» авторы определяют базовые мифообразы Чужого, составляющие глубинные слои представлений современного человека об окружающей реальности. Так, одной из активных современных общественных рефлексий на проблему отношения к Чужому является, по мнению авторов, страх перед Чужим как ожидание его вторжения в «свою» повседневную реальность (в свою культуру, в свой менталитет, в свое бессознательное). При этом степень инаковости Чужого вполне обоснованно рассматривается авторами книги и как плод дискур-

са о нем. С этой точки зрения Чужой является «квинтэссенцией наших страхов и чаяний. Мы сами наделяем его теми или иными чертами в рамках основных маркеров чужести. Мы сами расставляем акценты. Этот Чужой нам более понятен, поскольку он результат нашей рефлексии, а по сути, гипертрофированное отражение наших собственных черт. Мы сбрасываем на этот образ все то, чего не хотим видеть, но интуитивно в себе ощущаем» (с. 185–186). Таким образом, реальный неполиткорректный Чужой заслоняется вымышленными мифологизированными образами, которые можно и нужно ненавидеть (вампиры, зомби, инопланетный монстр, антропоморфный киборг), имеющими не только суггестивно-манипулятивное, но и психотерапевтическое значение.

Несмотря на то, что сегодня проблема Чужого принимает вид понимания Чужого в качестве некоторого идеологического конструкта, авторы в своей рефлексии уходят от очередного конструирования данного понятия. Они сосредотачиваются на проблеме, которая, на наш взгляд, является базовой в современном межкультурном диалоге, – это проблема того, насколько реальна инаковость и враждебность Чужого. Настолько ли она реальна, что ее необходимо бояться? На этот вопрос авторы монографии отвечают вполне конкретно. Чужого не стоит бояться, если он является фактором манипуляции в политической сфере, что достаточно часто встречается. Более того, нужно научиться не бояться Чужого, который находится рядом (за дверью, на улице), реального, конкретного, а не виртуального Чужого. «Мы должны быть готовыми к пониманию Чужого, но не только в далекой Мексике или Японии, а того Чужого, который метет соседнюю улицу или стоит на ближайшем рынке. И это как раз самое сложное. Гораздо проще перестроить себя на общефилософском уровне, рассуждая об “универсалиях Чужого”, и гораздо сложнее избавиться от взаимного бытового негативизма» (с. 199). Вот именно с этим Чужим, признавая его реальность, и нужно научиться взаимодействовать. Именно этот трудный путь понимания, столкновения с Инаковостью на самом обыденном уровне (здесь мы полностью солидарны с авторами монографии) и есть единственный верный путь к сохранению культурной безопасности и собственного Я, социокультурной идентичности.

Монография «Чужой и культурная безопасность» как никогда актуальна и для современных исследований культуры, и для самой

социокультурной реальности, весьма остро переживающей проблемы поиска и выработки способов восприятия Чужого и события с ним, для грамотного выстраивания межкультурного диалога, культурной политики. Книга астраханских ученых может быть интересна специалистам в области гуманитарных и социальных наук, преподавателям высшей школы, аспирантам и студентам, занимающимся научными исследованиями в различных областях гуманитарного познания и межкультурного взаимодействия, специалистам в области образования, политики и СМИ.

**Н.Б. ШИПУЛИНА**  
(Волгоград)

**ФИЛОСОФСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ  
ВЕЩИ: НЕТРИВИАЛЬНОСТЬ  
ПРОСТОТЫ И ВНЕОБЫДЕННОСТЬ  
ПОВСЕДНЕВНОСТИ (рецензия  
на книгу: *Сила простых вещей* :  
сб. ст. / под ред. С.А. Лишаева. СПб.:  
Алетейя, 2014. 384 с. (Тела мысли))**

В 2014 г. вышел в свет коллективный труд философов из Самары, Санкт-Петербурга, Москвы и Казани – сборник статей «Сила простых вещей», посвященный исследованию вещи в онтологическом, антропологическом и культурологическом измерениях. Поскольку книга написана не в монографическом формате с логически выстроенным изложением единой концепции, она представляет собой своеобразную мозаику самых разных взглядов и ракурсов как в аспекте областей гуманитарного знания, в рамках которых осуществляется рефлексирование вещи и вещественного, так и в отношении подхода к сущностному пониманию собственно вещи. В этой связи редактор книги «Сила простых вещей» С.А. Лишаев так пишет о замысле и основной концепции сборника: «Далекое и сложное притягивает наше внимание значительно чаще, чем простое и близкое. Чем ближе к нам расположена вещь, чем она проще, тем меньше мы обращаем на нее внимание. Авторы этой книги попытались удержать простые вещи на гребне философского вопрошания. Каждый из них ре-

шал эту задачу по-своему, и каждый внес свою лепту в реализацию общего замысла: создать смысловое пространство, в котором вещи могли бы явить свою подлинную или кажущуюся (скрывающую сложное) простоту. Собранные под одной обложкой работы разных авторов в своей совокупности представляют собой своеобразный сад – “сад вещей”» (с. 5).

Подготовка книги заняла у ее авторов и идейных вдохновителей долгие годы. Так, основное содержание книги составляют работы, опубликованные в 2007–2008 гг. в философском ежегоднике «*Mixtura verborum*» (*Mixtura verborum*’2007: Сила простых вещей. Самара, 2007). Тема простых вещей оказалась участникам проекта интересной и заслуживающей дальнейшей разработки, и в 2008 г. была проведена философская конференция «*Метафизика простых вещей*», по результатам которой был издан сборник материалов (*Mixtura verborum*’2012: Сила простых вещей–2. Самара, 2013), что было важным этапом в подготовке данного издания. Наконец, сейчас появилась возможность увенчать многолетний проект книгой.

Одной из особенностей сборника «Сила простых вещей», на наш взгляд, является его выдержанность в структуре бинарных оппозиций, в определенном смысле следование одному из самых архаичных и в то же время современных постмодернистских принципов видения и освоения мира. Поскольку в философском и культурологическом дискурсе авторов книги явно просматривается подобная система, то основополагающими в ней оказываются такие парные концепты-противоположности, как «сила–уязвимость (слабость)», «простота–сложность (неоднозначность и противоречивость)», «созерцательность – событийность» (с. 11), «вещи – тексты» (с. 69), «жизнь – смерть вещей» (с. 137), «подлинность – кажимость (фальшь)» (с. 162) и др.

Тематически сборник разбит на четыре раздела: «*Метафизика простых вещей*», «*Вещь и субъект*», «*Сад вещей (вход и выход свободный)*», «*Простота присутствия*». В первой главе методологическим фокусом выступает метафизика вещей, их онтологическая сущность. Авторы этой части книги размышляют над противоречивостью содержания концепта «простота» и его релевантности в отношении обыденной повседневной вещи. Понимая вещь чрезвычайно широко, М.В. Михайлова считает этот вопрос насущным и сво-